

Екатерина Болтунова, Наталия Береснева

Похоронная сфера в Российской империи конца XIX — начала XX века как публичная сфера¹

Ekaterina Boltunova, Nataliya Beresneva

Funerals in the Russian Empire of the late 19th and early 20th centuries as Element of Public Sphere

Екатерина Болтунова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», директор Института региональных исторических исследований; кандидат исторических наук
ekboltunova@hse.ru.

Наталия Береснева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», младший научный сотрудник Института региональных исторических исследований
nberesneva@hse.ru.

Ключевые слова: мемориальная культура, похороны, публичная сфера, пресса, экономика смерти, Российская империя

УДК: 93/94 + 393.05

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_125

Авторы статьи рассматривают похоронную сферу, включающую в себя широкий набор практик — от формирования ритуала и публикации материалов в прессе до экономики смерти, как часть позднеимперской публичной сферы. В России 1880-х — 1910-х годов это пространство оказалось исключительно востребованным для мобилизации и позиционирования различных социальных групп, прямой или скрытой конкурентной борьбы между ними, формирования структур публичной образности, а также для обсуждения норм и принципов существования общества.

Ekaterina Boltunova

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Director of the Institute of Russia's Regional History; PhD (History)
ekboltunova@hse.ru.

Nataliya Beresneva

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Junior Researcher of the Institute of Russia's Regional History
nberesneva@hse.ru.

Keywords: memorial culture, funeral, public sphere, press, economics of death, Russian Empire

UDC: 93/94 + 393.05

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_125

The article discusses the funeral sphere that includes a wide range of practices (from ritual arrangements and publications in press to economics of death) as part of the late Imperial public sphere. In Russia of the 1880s — 1910s this space proved to be frequently used for mobilizing and positioning of various social groups. It turned to be open for direct or hidden social competition, public imagery creation as well as discussions of the late imperial society's norms and principles.

Взгляд современного человека определяет похороны и кладбища как специфические или обособленные в социальном отношении время и место. Больше всего это напоминает предложенное М. Фуко понятие «гетеротопия», т.е. в широком смысле слова «другое пространство», где заметен зримый, ритуали-

1 Публикация подготовлена в результате проведения исследования (№ 22-00-036 «Исторические надгробия и мемориальная культура в России XVIII — первой трети XX в.») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

зированный разрыв с устоявшейся реальностью. По Фуко, гетеротопии «соотносятся со всеми остальными местоположениями, но таким образом, что приостанавливают, нейтрализуют или переворачивают всю совокупность отношений, которые тем самым ими обозначаются, отражаются или рефлектируются»². Такое восприятие прямо отражается в исследовательской практике, где кладбища и похоронная сфера маркируются прежде всего как нечто «иное», а принятой историографической формой является описание отдельных некрополей, как правило, с приложением перечня погребенных на соответствующем кладбище³.

Исключение, впрочем, делается для монархов и публичных или протестных фигур поздней имперской эпохи⁴. В последнем случае заметно стремление обнаружить основу для более широкого разговора о посмертных мемориальных практиках — помимо «красных похорон» в поле зрения исследователей попадают «публичные похороны литераторов», «гражданские похороны» и «похороны знаменитостей», отмечается появление новых форм коммуникации между представителями разных социальных слоев⁵, что в целом соответствует тренду, сформировавшемуся в рамках *Death Studies*⁶. Однако в этом сегменте литературы похороны оказываются, как правило, соотношены с похоронной процессией. Таким образом, публичность, которую обнаруживают исследователи, ограничивается определенными рамками и рассматривается как всплеск активности конкретной группы, а не маркер появления публичной площадки, открытой для представителей разных слоев и страт.

В этой статье мы попытаемся рассмотреть похоронную сферу, включающую в себя широкий набор практик — от формирования ритуала и публикации материалов в прессе до экономики смерти, как часть поздней имперской публичной сферы. На наш взгляд, в 1880-е — 1910-е годы это пространство оказа-

-
- 2 Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3 / Пер. с франц. Б.М. Скуратова; под ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. С. 195.
  - 3 См., например: Панова Т.Д. Некрополи Московского Кремля. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2003; Шокарев С.Ю. Источники по истории московского некрополя XII — начала XX в. М.; СПб.: Нестор-История, 2020; Тени старинного кладбища — Всехсвятский некрополь в Туле / Под ред. М.В. Майорова. Тула: ООО «Борус-Принт», 2011.
  - 4 См., например: Аронова А.А. Последнее торжество императрицы Елизаветы Петровны // Искусствознание. 2016. № 3. С. 98–135; Логунова М. Печальные ритуалы императорской России. М.; СПб.: Центрполиграф, 2011; Полищук Н.С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // Советская этнография. 1991. № 6. С. 25–39; Tyras N. On Dostoevskij's Funeral // The Slavic and East European Journal. 1986. Vol. 30. № 2. P. 271–277.
  - 5 Перекаатов А.В. «Первый опыт гражданской панихиды»: траурное утро в МХТ 13 февраля 1910 г. // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. Вып. 109. С. 89–112; Соколова А. Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 70–93; Trice T. Rites of Protest: Populist Funerals in Imperial St. Petersburg, 1876–1878 // Slavic Review. 2001. Vol. 60. № 1. P. 50–74; Klopfenstein M. The Death of the Seagull: Vera Kommissarzhenskaia and the Search for Transcendence in Late Imperial Russia // The Russian Review. 2021. Vol. 80. № 2. P. 270–293; Klopfenstein M. The Operatics of Death: Gender, the Market, and the Reform-Era Public Sphere in the Death of Angiolina Bosio // Вестник Пермского университета. История. 2021. Т. 55. № 4. С. 13–24.
  - 6 Laqueur T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton: Princeton University Press, 2015.

лось исключительно востребованным для мобилизации и позиционирования различных социальных групп, прямой или скрытой конкурентной борьбы между ними, формирования структур публичной образности, а также для обсуждения норм и принципов существования общества.

В нашей работе мы будем опираться на установки Нэнси Фрейзер, предложившей пересмотр ряда классических трактовок Юргена Хабермаса в отношении публичной сферы⁷. По мнению Фрейзер, публичность как таковая не сводима к пространству, в котором равные друг другу по статусу мужчины разворачивают дискуссию о сущности понятия «общее благо» и способах его достижения, оспаривая при этом действия власти и формируя независимую позицию. Согласно Фрейзер, само понимание природы публичной сферы невозможно без признания вовлеченности в этот процесс множества социальных групп, различающихся по статусу и имеющих собственную идентичность. Здесь «сильные» (привилегированные) группы сосуществуют с низшими или субальтерными сообществами самого разного порядка — от либеральных до антиэгалитарных (женщины, рабочие, радикалы и др.)⁸. При этом субальтерны создают, в терминологии Фрейзер, «контрпубличную среду» и используют практики публичности не с целью поддержания рациональной дискуссии, а для продвижения собственных интересов и образов, борьбы за ресурсы и общественное признание. Само существование этих групп конституирует публичную сферу как пространство конфликта⁹, однако в стратифицированных и эгалитарных обществах конкурентная борьба различных (контр)публичных сфер носит более демократичный характер по отношению к коммуникации, реализуемой в рамках единой публичной сферы¹⁰.

Для нашего исследования важным представляется также установка Н. Фрейзер на отказ от разделения общества и государства при разговоре о функционировании публичной сферы¹¹. По мнению философа, разграничение такого рода не позволяет оценить формы (само)управления, координации и контроля, принятые в публичном пространстве, и выносит за скобки взаимодействие между существующими (контр)публичными сферами¹². Кроме того, нам представляется справедливым утверждение о непродуктивности использования в дискуссии о публичности такой устойчивой оппозиции, как «публичное»/«частное» (включая категории экономического порядка). Солидаризируясь с Н. Фрейзер, мы полагаем, что в рамках историографической ситуации «частное» и «экономическое» могут выступать в качестве риторических структур, отсылки к которым зачастую призваны делегитимизировать установку на анализ взглядов, позиций и интересов определенных групп¹³.

7 *Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Social Text. 1990. № 25/26. P. 56–80.* О различиях трактовок и границе споров см.: *Атнашев Т., Велижев М., Вайзер Т. Двести лет опыта: от буржуазной публичной сферы к российским режимам публичности // Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России. Сборник статей / Сост. Т. Атнашев, Т. Вайзер, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 38.*

8 *Fraser N. Op. cit. P. 67.*

9 *Ibid. P. 61.*

10 *Ibid. P. 62, 67.*

11 *Ibid. P. 63.*

12 *Ibid. P. 66.*

13 *Ibid. P. 73.*

«Характер самой процессии был удивительно ясен...»: смерть и публичность

Интерес академической литературы к похоронным процессиям в 1880-х — 1910-х годах вполне объясним. Перечисление имен известных людей, скончавшихся в это время¹⁴, оставляет впечатление своего рода конца времен — помимо монарших похорон (Александра II в 1881 году, Александра III в 1894 году), этот период отмечен прощанием с политиками, общественными деятелями, литераторами, художниками, музыкантами, священнослужителями и учеными, которые сейчас входят в российский канон: Ф.М. Достоевский (1881), И.С. Тургенев (1883), М.Е. Салтыков-Щедрин (1889), П.И. Чайковский (1893), П.М. Третьяков (1898), И.К. Айвазовский (1900), А.П. Чехов (1904), о. Иоанн (Кронштадский) (1908), С.А. Муромцев (1910), П.А. Столыпин (1911), В.О. Ключевский (1911), С.Ю. Витте (1915), А.Н. Скрябин (1915) и др. Один только 1910 год был воспринят обществом как год колоссальных потерь в культуре: в феврале во время гастролей в Ташкенте умерла В.Ф. Комиссаржевская, в апреле — М.А. Врубель, а в ноябре скончался Л.Н. Толстой.

Однако в предреволюционные десятилетия городское пространство крупных городов Российской империи превратилось в площадку для прощания с людьми самых разных социальных и профессиональных групп, как известных локально, так и совсем неизвестных, — дворян, купцов, рабочих, студентов и др. Неотъемлемой частью ландшафта больших городов стали многочисленные похоронные процессии — на улицах то и дело появлялась особым образом оформленная колесница с гробом, за ней шествовала вереница родственников, а также траурная прислуга с гербами, орденами, фонарями и булавами, у колесницы шли факельщики, процессию могли сопровождать жандармы и наряд полиции. Такая процессия могла проходить многокилометровый путь из одной части города в другую, мобилизуя в рамках церемонии прощания определенную социальную группу, получавшую таким образом возможность заявить о себе, — будь то стремление подтвердить существующую иерархию или утвердить некую новую систему социальных отношений, декларировать которую в другом пространстве было сложно или даже невозможно.

Формируя подобное публичное высказывание, организаторы и участники похоронных шествий использовали практики императорских похорон, в центре которых всегда оказывалась огромная и особым образом структурированная процессия, призванная продемонстрировать обширность и разнообразие империи, потерявшей своего монарха. В последние десятилетия XIX века знаковые похороны писателей, общественных деятелей, актрис, студентов, рабочих и т.д., контроль над которыми власть не имела, также проходили при колоссальном стечении народа (источники неизменно говорят о десятках тысяч участников¹⁵); вдоль улиц выстраивалась подчеркнута строгая «живая цепь», присутствующие стремились к соблюдению порядка, процессию даже могли

---

14 В литературе обращают внимание на более ранние случаи публичных похорон, в частности прощание с Н.А. Некрасовым в 1878 году (*Никелл У.* Смерть Толстого и жанр публичных похорон в России // Новое литературное обозрение. 2000. № 4. С. 46; *Полицук Н.С.* Указ. соч. С. 34).

15 *Никелл У.* Указ. соч.; *Соколова А.* Указ. соч. С. 76.

сопровождать распорядители, контролировавшие точность установленного церемониала¹⁶. Траурные венки с декларативными надписями и включенные в церемонию символические предметы заменяли имперское шествие регалий и орденов. Очевидно и стремление превратить подобное торжество в максимально репрезентативное за счет привлечения представителей или даже депутатов различных социальных и этнических групп¹⁷; случавшаяся нередко встреча гроба с телом покойного на вокзале становилась похожей на церемонию «обретения монаршего тела». Современники, пораженные масштабом происходящего, называли подобные похоронные шествия «грандиозными», «внушительными», «колоссальными», «величественными», каждый следующий раз сообщая, что в России, в столице или в этом конкретном городе «никогда еще не бывало таких похорон»¹⁸.

В других случаях декларативность подобных публичных процессов могла быть реализована за счет отказа от принятых стандартов и установок — через проведение гражданской церемонии с использованием отдельных церковных ритуалов, что воспринималось как протестный жест (похороны Л.Н. Толстого¹⁹), использование такой формы прощания, как гражданская панихида (похороны В.Ф. Комиссаржевской²⁰), или участие в похоронной процессии священников разных конфессий, как в случае с похоронами жертв еврейского погрома в Екатеринославле в 1905 году и погибших при расстреле демонстрации во Владивостоке в 1906 году²¹.

Прощание с покойным, включавшее в себя траурное шествие, было призвано не только выразить скорбь, но и продемонстрировать единство идущих за гробом и их приверженность определенной позиции²². Однако случайный (со)участник или зритель оказывались необходимым элементом действия — они становились адресатом публичного высказывания. По точному утверждению Н. Фрейзер, действующие в пространстве города (контр)публичные сферы имеют двойственный характер — постулируя соответствующие группы, они функционируют как «базы <...> для агитационной деятельности, нацеленные на более широкую публику»²³.

Декларация и пропаганда установок, которые разделяли члены мобилизованной в рамках прощания группы, находили свое отражение в надписях на венках и транспарантах. Очевидно, что последнее затрагивало наибольшее количество людей, ведь наблюдатели из числа горожан не обязательно присоединялись к шествию и добирались до кладбища.

16 Орлов П. Русская революция 1905–1906 г. Давос: Издательство акционерного общества Давосской тип., 1906. С. 66; Полищук Н.С. Указ. соч. С. 32.

17 Кони А.Ф. Похороны Тургенева // Кони А.Ф. Воспоминания о писателях. М.: Правда, 1989. С. 162.

18 Бок М. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М.: Современник, 1992. С. 218; Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1913. С. 306; Орлов П. Русская революция 1905–1906 г. С. 65; Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1981. С. 387; Кони А.Ф. Похороны Тургенева // Кони А.Ф. Воспоминания о писателях. М.: Правда, 1989. С. 159.

19 Никелл У. Указ. соч.

20 Перекаатов А.В. Указ. соч.

21 Полищук Н.С. Указ. соч. С. 34.

22 Соколова А. Указ. соч. С. 72; Полищук Н.С. Указ. соч. С. 26.

23 Fraser N. Op. cit. P. 68.

Известно, что в огромной церемонии прощания с Ф.М. Достоевским, в которой участвовало 72 депутации²⁴, по улицам пронесли несколько десятков венков²⁵. На некоторых из них фигурировали названия произведений писателя, которые могли «прочитываться» и как общественный запрос на справедливость («Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание»), а также тексты с отсылками к национальному нарративу (венки от Славянского благотворительного общества «Русскому человеку», венки от Москвы — «Из сердца России — великому учителю»²⁶). Перед гробом Н.Э. Баумана по улицам Москвы пронесли транспарант с надписью «Охраняйте порядок, граждане!», что стало призывом к новой организации социальной среды. Примечательно, что этот транспарант оказывался первым в цепочке лозунгов, многие из которых носили прямой антиправительственный характер, например «Долой самодержавие»²⁷. Существенно менее многолюдные похороны локально известных фигур следовали этому же тренду. Так, в 1884 году в шествие за гробом сибирского писателя и поэта И.В. Федорова-Омулевского был включен венок с надписью «земляку товарищу», что прямо указывало на группу осевших в столице сибиряков, поддерживавших свою идентичность и активно обсуждавших будущее Сибири²⁸.

Отметим, что в это время появляется значимая для рассуждений о публичности традиция фотографировать отдельно венки и ленты, возложенные на гроб²⁹. В ряде случаев, позируя для снимка, участники процессии поднимали такие ленты над головой³⁰. В похоронные шествия «входили» и многочисленные символические предметы — здесь появлялись черные и красные флаги³¹, венки в виде тернового венца³², лиры с порванными струнами³³; участники действия пели песни, соответствующие специфике такого публичного действия, — от церковной «Вечной памяти» на гражданских похоронах Л.Н. Толстого³⁴ до «Вы жертвою пали в борьбе роковой» во время проводов Н.Э. Баумана³⁵. Характер таких похоронных процессов оказывался, по точному выражению современников, «удивительно ясен»³⁶.

Не менее ярким проявлением публичной природы похоронных церемоний стало превращение городских некрополей в площадку для произнесения над-

-
- 24 *Страхов Н.Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 528.
- 25 Всемирная иллюстрация. 1881. № 631. С. 127–130; *Страхов Н.Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. С. 528; *Достоевская А.Г.* Воспоминания. С. 409.
- 26 Всемирная иллюстрация. 1881. № 631. С. 130.
- 27 *Орлов П.* Русская революция 1905–1906 г. С. 65.
- 28 <Без подписи.> Похороны И.В. Федорова-Омулевского // Восточное обозрение. 1884. № 1. С. 4.
- 29 Фотография похоронных венков на смерть М.М. Чемоданова // Госкаталог.рф (URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=43195284>; <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=43195348>).
- 30 Госкаталог.рф (URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=28944915>).
- 31 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 62. Д. 70. Л. 1.
- 32 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 102. Д. 391. Л. 9.
- 33 *Кони А.Ф.* Похороны Тургенева. С. 162.
- 34 *Никелл У.* Указ. соч. С. 51.
- 35 *Орлов П.* Русская революция 1905–1906 г. С. 66.
- 36 *Страхов Н.Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. С. 529.

гробных речей. Показательны в этом отношении похороны председателя Первой Государственной Думы С.А. Муромцева, когда у могилы покойного на московском Донском кладбище смогли выступить десятки ораторов — от лидера кадетов П.Н. Милокова и ректора Московского университета А.А. Мануйлова до студентов и слушательниц Высших женских курсов. Фотографии, сделанные в тот день, демонстрируют, что у могилы Муромцева был сооружен небольшой помост для выступающих, что делало их заметными среди многотысячной толпы. Интенсивность деклараций могла быть не столь высокой, но логику социальной коммуникации это не меняло, ведь в 1880-е — 1910-е годы право на надгробную речь мог получить и малозаметный человек — похоронный бизнес готов был предоставить соответствующую услугу: «можно было <...> заказать ораторов для произнесения речи перед отверстой могилой»³⁷.

Переосмысленным на новом уровне оказалось и пространство самого некрополя — здесь, помимо родственников покойных, «праздношатающихся», людей из криминального мира или пребывавших в поиске эмоционального убежища посетителей известных могил, все чаще появляются те, для кого некрополь мог стать площадкой для политической активности. В это время на кладбищах находят разбросанные прокламации³⁸ и спрятанную антиправительственную литературу³⁹, а сами некрополи становятся местом проведения нелегальных собраний⁴⁰. Существенно, что в конце XIX — начале XX веков власти, признавая, что надгробный памятник как таковой может стать декларацией, начинают задумываться над необходимостью контроля над процессом установки надгробия в том случае, если его возведение грозило созданием новой точки притяжения протестных сил⁴¹.

Отметим и присутствие в этой сфере властей. Помимо очевидных тревог в отношении подрыва монополии на организацию огромных символических похорон и стремления купировать или, по крайней мере, цензурировать формирующиеся публичные практики (запрещение выноса венков или флагов⁴², контроль за действиями священников⁴³ и противодействие превращению некрополя в место притяжения протестных сил⁴⁴), имперские власти продемонстрировали готовность включиться в конкурентную борьбу. Показательна история с заменой надгробий на могиле императора Александра II и императрицы Марии Александровны в некрополе Романовых в Санкт-Петербурге. Сам по себе проект был инициирован Александром III, но завершён лишь в 1906 году, в правление Николая II и в разгар первой русской революции. Приуроченная

37 Григорьев М.А. Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое. СПб.: Российский институт истории искусств, 2005. С. 235–236.

38 См., например: ГА РФ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 788; Ф. 102. Оп. 202. Д. 5389; Ф. 102. Оп. 204. Д. 6010.

39 См., например: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 201. Д. 2462; Ф. 102. Оп. 208. Д. 1090; Ф. 217. Оп. 1. Д. 29.

40 См., например: ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 595; Ф. 63. Оп. 45. Д. 396. Л. 171–172 об.; Ф. 124. Оп. 44. Д. 651; Ф. 102. Оп. 202. Д. 1424.

41 См., например: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 79. Д. 731.

42 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 43. Д. 40. Л. 3-3об.; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 62. Д. 70; Кони А.Ф. Похороны Тургенева. С. 174.

43 Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. Киев: Типография Киево-Печерской Успенской лавры, 1913. С. 1327–1331.

44 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 79. Д. 731.

к 25-летию со дня смерти убитого народовольцами Александра II, церемония установки в Петропавловском соборе новых яшмовых надгробий⁴⁵, а равным образом открытие через год на месте убийства императора Храма Воскресения Христова (Спаса на Крови), помимо широкого посыла к искуплению за убийство царя-освободителя, имели целью манифестировать присутствие в столице широкой по охвату группы монархистов.

Пресса и похоронная сфера

Практики публичности, соотнесенные с похоронной сферой, не ограничивались похоронной процессией и пространством некрополя — формирующаяся в это время (контр)публичная среда вполне эксплицитно обнаруживает себя на страницах газет и журналов. В 1880-е — 1910-е годы сообщения о кончине того или иного человека, информация о выносе тела и панихидах, а также некрологи активно публиковались в прессе, причем речь шла о достаточно широком спектре изданий («Новое время», «Русские ведомости», «Русское слово», «Голос Москвы», «Гражданин», «Русь», «Луч» и др.). С течением времени к тому же объявления такого рода становились визуально все более заметными и — что существенно — перемещались с последних страниц газет на первые⁴⁶. Отметим, что сообщения о смерти не составляли какой-то особый раздел: напротив, подобные объявления «сосуществовали» с публикациями о найме квартир, открытии курсов сценического мастерства или организации гуляний. Аналогичным образом в газетах, журналах и справочниках оформлялся и блок рекламы: объявления о предоставлении ритуальных услуг, часто сопровождавшиеся изображениями выставленных на продажу гробов, публиковались рядом с рекламой печенья, пастилы или путешествий по Волге⁴⁷.

В сообщениях о произошедшей кончине установка на утверждение статуса конкретного человека (упоминание чина, заслуг или даже «положительных свойств») дополнялась стремлением постулировать статус социальной группы, к которой принадлежал — или после кончины оказался «приписан» — усопший. Размещать в газетах информацию о смерти могли не только родственники⁴⁸, но также различные институции и сообщества. Неудивительно поэтому,

45 РГИА. Ф. 504. Оп. 1. Д. 1605; РГИА. Ф. 504. Оп. 1. Д. 1609; РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 465.

46 Примечательна в этом плане газета «Новое время»: если в выпусках начала 1880-х годов место «похоронных объявлений» оказывается достаточно подвижным (на первой странице, в середине или в конце номера), то к середине 1910-х годов такие объявления в значительной степени смещаются на первую полосу.

47 См., например: Вся Одесса: Иллюстрированная справочная книга. Справочник недвижимых имуществ Одесского градоначальства на 1899 г. Одесса: Типография Акционерного южно-русского общества печатного дела, 1899. С. XXXVII, 91.

48 Объявления о смерти того или иного человека активно использовались для самопрезентации кого-либо из членов семьи, что также могло быть связано с вопросами наследства. Газетные сообщения в траурной рамке зачастую содержали полное имя того, кто сообщал о смерти, при этом напечатанное крупным или жирным шрифтом (см., например: Каспий. 1917. № 3. 4 января. С. 1). Встречались в прессе и обращения родственников покойного к широкой публике с благодарностью всем почтившим память усопшего (Русские ведомости. 1903. № 8. 8 января. С. 1; 55). Так, А.Е. Молчанов, муж актрисы М.Г. Савиной, известный в деловых кругах, после похорон жены в 1915 году опубликовал в петроградских газетах «Новое время», «Речь»

что первые страницы газет порой оказывались испещрены объявлениями в траурной рамке с именем одного и того же человека. Например, «Одесские новости» от 24 июля 1911 года сообщили о кончине С.М. Пурица шесть раз⁴⁹, а «Киевлянин» от 12 ноября того же года опубликовал информацию о смерти В.Н. Николаева семь раз⁵⁰. О смерти Соломона Пурица, помимо семьи, сообщали персонал Одесской еврейской больницы, Одесский комитет вспомоществования евреям землевладельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине, Одесское общественное училище «Ешибот», местный Комитет Общества распространения просвещения между евреями в России и Общество попечения о бедных и бесприютных еврейских детях Одессы. Так, в публичном пространстве города зримым оказывался широкий круг еврейских организаций. В свою очередь, смерть Владимира Николаева стала частью позиционирования киевских творческих групп и деловых кругов — кроме жены и детей объявление о его смерти опубликовали представители Киевского художественного училища, Киевского отделения Императорского русского музыкального общества, а также Киевского городского кредитного общества. Интересно, что преподаватели и учащиеся Киевского художественного училища разместили в газете два отдельных объявления. Таким же образом поступили члены правления и служащие Киевского городского кредитного общества.

После похорон газеты могли публиковать информацию о панихидах, организаторами которых также выступали различные структуры и сообщества⁵¹. Например, 3–4 января 1903 года «Русские ведомости» дали сразу пять объявлений о «годовом дне кончины» князя А.А. Щербатова⁵². О проведении панихиды и заупокойных литургий сообщали московское Благотворительное общество, Сущевское отделение дамского попечительства о бедных и Софийская детская больница. Иными словами, обращение к дате смерти князя Александра Щербатова, некогда занимавшего пост московского городского головы, предоставило возможность позиционировать структуры московской благотворительности, с которыми был связан покойный.

Однако публикациями в связи со смертью или годовщиной смерти конкретного человека дело не ограничивалось. Функционирование похоронной сферы и растущая деловая конкуренция в этой среде провоцировали разворачивание на страницах прессы дискуссий о правах и принципах ведения дел и этических нормах в похоронной сфере. Последнее, в свою очередь, перерастало в обсуждение более широких общественных проблем. Показательна в этом отношении история, произошедшая в начале 1910-х годов в Одессе. Дворянка Елена Голубецкая, владевшая бюро похоронных процессий, развернула кампанию, целью которой была защита ее бизнеса. Служащие Голубецкой оказались замешаны в скандале, связанном с организацией похорон кишиневского купца Петра Недова, приехавшего в город по делам и скончавшегося в одес-

---

и «Русское слово» объявление следующего содержания: «Приношу глубокую благодарность всем лицам и учреждениям, трогательно почтившим меня своим сердечным участием в моем горе. Анатолий Молчанов» (РГИА. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1219. Л. 5, 6б, 11а).

49 Одесские новости. 1911. № 8476. 24 июля / 6 августа. С. 1.

50 Киевлянин. 1911. № 313. 12 ноября. С. 1.

51 Русские ведомости. 1903. № 2. 2 января. С. 1; Русские ведомости. 1904. № 7. 7 января. С. 1; Русские ведомости. 1904. № 8. 8 января. С. 1.

52 Русские ведомости. 1903. № 3. 3 января. С. 1; № 4. 4 января. С. 1.

ской лечебнице. Отсутствие родственников купца в городе заставило администрацию лечебницы обратиться в бюро Голубецкой, которая предоставила все необходимые принадлежности. Гроб был перевезен в собор, где по покойному отслужили панихиду. На следующий день, однако, в соборе появились представители другой похоронной фирмы, владелец которой пообещал приехавшим в Одессу родственникам купца осуществить перевозку и похороны за меньшую сумму. Конкуренты Голубецкой попытались переложить тело покойного в привезенный ими новый гроб. Узнавший об этом священник воспротивился происходящему и выдворил конфликтующих из церкви. Ситуация, впрочем, на этом не разрешилась, поскольку работники двух контор устроили на ступенях церкви ссору, собравшую множество зевак⁵³.

Итогом скандала стало решение одесского градоначальника закрыть обе конторы. Голубецкая, однако, с решением не согласилась, настаивая, что случившееся с ней является результатом недобросовестной конкуренции и отказа дать взятку конкретному должностному лицу — приставу Яблонскому. В одном из своих прошений она прямо заявила о гендерных предпосылках подобного положения: «Мои конкуренты мужчины, хотели сойтись в компанию, но я не пожелала, через это они меня постоянно преследовали, а как они мужчины имеют знакомства с многими чинами Полиции, так они везде правы»⁵⁴.

Дворянка развернула серьезную борьбу за свое дело, адресуясь к местным и столичным властям (вплоть до писем на имя председателя Совета министров), а также прибегнув к помощи прессы: Голубецкая обратилась в «Одесские ведомости», предоставив редакции все свои материалы для репортажа, разоблачающего одесское градоначальство⁵⁵. Интересно, между прочим, что к прошению на имя председателя Совета министров Голубецкая приложила газетную статью, описывающую события у собора, а также вырезки с репортажами, в которых содержалась критика местных властей, включая историю юноши Ивченко, доведенного беззаконием властей до самоубийства. Газетные вырезки в этом случае оказывались доказательством правоты — Голубецкая цитировала слова Ивченко, устанавливая таким образом связь между двумя одесскими историями и позиционируя себя как жертву произвола.

В выборе стратегии — добавим, успешной стратегии, поскольку бюро Голубецкой было в итоге открыто — дворянка была не одинока. Так, в Москве в 1914 году уполномоченные от «собрания торговцев памятников и монументчиков» вынесли в публичное поле конфликт с представителями духовенства, вовлеченными в похоронный бизнес, — по сути, торговцы памятниками инициировали обсуждение в прессе вопроса о заработках пресвитеров и клириков и их праве заниматься «коммерческой деятельностью»⁵⁶.

53 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 68. Д. 7ч. 99. Л. 12 об. Случаи такого рода имели место не только в Одессе. Показателен в этом отношении очерк Н. Животова (1894), в котором описывается схожий сюжет, — гробовщики в борьбе за покойника перекладывают тело из «чужого» гроба в «свой», что приводит в итоге к драке между работниками конкурирующих фирм (*Животов Н.Н.* Петербургские профили: В 4 вып. Вып. 4. Среди факельщиков: Шесть дней в роли факельщика. СПб.: Типо-литография А. Винеке, 1895. С. 24–25).

54 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 68. Д. 7ч. 99. Л. 10.

55 Там же. Л. 23.

56 ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 302. Об этом см. также: *Соколова А.* Указ. соч. С. 47–51.

Экономика смерти

Еще одним указанием на связь похоронной сферы с пространством публичности является экономическая составляющая, которая, как указывает Н. Фрэйзер, часто оказывается за рамками интерпретационной модели, направленной на анализ публичного пространства⁵⁷. Рассмотрение того, что можно назвать экономикой смерти, многое добавляет к нашему пониманию происходивших процессов.

Прежде всего следует указать на такой значимый источник, как счета, выставляемые похоронными конторами. Анализ этих материалов демонстрирует, насколько значимыми были в это время траты на публичность: так, в 1880-е — 1910-е годы презентационные расходы (оплата траурной процессии, хора, обеспечение массовости похорон и пр.) могли существенно превосходить траты на необходимые для проведения ритуала предметы и услуги (гроб, отпевание, место на кладбище, работа могильщиков и др.).

Показателен в этом отношении случай рабочего электрической станции Царского Села (кочегара) Григория Хонюкова, погибшего, как можно предположить, на рабочем месте в результате несчастного случая в 1904 году. Оплату расходов на погребение взяло на себя Царскосельское дворцовое управление, потратившее на эти нужды 181 руб. 20 коп.⁵⁸ Сумма многократно превышала стоимость простых похорон — реклама, которую публиковали похоронные конторы в конце XIX — начале XX века, фиксировала в среднем 10 руб. в качестве минимума для расходов на похороны в больших городах и 50 руб. — в столице⁵⁹. Сумма, потраченная дворцовым управлением, скорее, соответствовала уровню похорон, на которые мог рассчитывать квалифицированный специалист, копивший «на смерть» около 10 лет⁶⁰.

В счетах за похороны Хонюкова мы можем видеть, что практически половину расходов составляют средства, потраченные на оплату траурной процессии и услуг отдельно приглашенного хора, — 84 руб. из 181 руб. 20 коп.⁶¹ Интересно, что даже по отдельности траурная процессия и услуги хора стоят значительно дороже, чем услуги причта или место на кладбище (30 руб. и 54 руб. соответственно по сравнению с 10 руб. и 25 руб.)⁶².

С повышением социального статуса умершего расходы на публичную презентацию увеличивались — росло количество людей, задействованных в траурной процессии, оплачивались дополнительные услуги, тратились деньги в рамках статей «на чай» / «для раздачи нижним чинам» / «на раздачу бедным» и т.п. Кроме того, сама траурная процессия дополнительно декорировалась: члены

---

57 *Fraser N. Op. cit. P. 73.*

58 РГИА. Ф. 468. Оп. 15. Д. 2957 (особенно Л. 5–5 об.).

59 «Весь Киев»: Адресная и справочная книга на 1907 год / С.М. Богуславский. Киев: Типография 1-й Киевской артели Печатного дела, 1907. С. 53; РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 2996. Стоит отметить, что самая высшая цена за место и погребение на загородных кладбищах Санкт-Петербурга не превышала 82 руб. См.: О загородных кладбищах, устроенных по линиям железных дорог Николаевской и Финляндской. СПб.: Типография П. Вигандт, 1881. С. 14.

60 Устав 3-й Псковской похоронной кассы: Утв. 16 июня 1884 г. Псков: Типография губернского земства, 1884. С. 4.

61 РГИА. Ф. 468. Оп. 15. Д. 2957 (особенно Л. 5–5 об.).

62 Там же. Л. 3–6.

подобных шествий появлялись во «фраках с аксельбантами», использовались специально сшитые траурные попоны на лошадях. Так, например, из суммы, потраченной государственной казной на погребение министра путей сообщения Германа Паукера (1873 руб.)⁶³, скончавшегося практически сразу после назначения на должность, больше половины средств было отпущено на публичную презентацию образа покойного чиновника и ученого — 260 руб. отправлены в Инженерное управление для раздачи нижним чинам, 131 руб. потрачен на заказ (дополнительно к услугам церкви и причта) хора певчих л.-гв. Саперного батальона, около 372 руб. израсходовано на значительную по числу участников траурную процессию, 150 руб. были отданы церковным служащим как дополнительное вознаграждение, еще 150 руб. были выделены на услуги садовника (декорация растениями квартиры, часовни и церкви), 289 руб. 80 коп. проходят по категории «по счетам разным лицам», покрывая расходы на заказ кареты для сестры покойного, «кучерам <...> на чай», «за наряды полиции», «траурной прислуге», «дворникам на кладбище», «за публикацию в газете» и др.

Отметим: и кочегар, и министр в момент смерти находились «при должности», однако при всем различии уровня расходов на погребение логика действий оставалась в обоих случаях неизменной — власти считали необходимым организовать «приличные» похороны, призванные продемонстрировать окружающим внимание и заботу государства о тех, кто находился на службе. Это лишний раз подчеркивает включенность власти в развернувшуюся конкурентную борьбу (контр)публичных сфер.

Соположение похоронного и публичного заметно и при рассмотрении деятельности так называемых похоронных касс, появившихся в это время в Санкт-Петербурге и ряде крупных городов империи⁶⁴. Такие структуры представляли собой объединение в рамках конкретной профессиональной сферы или институции, созданные с целью взаимопомощи, — члены кассы оплачивали взносы, а из общего дохода, который генерировался с течением времени, формировались единовременные пособия, направлявшиеся на организацию похорон каждого члена кассы⁶⁵. Неотъемлемой частью функционирования подобных структур были общие собрания, которые созывались как для утверждения годовых отчетов, выбора членов Правления, так и для разрешения споров и прочих чрезвычайных вопросов. Власти довольно быстро идентифицировали потенциал подобных собраний — в уставы похоронных касс в обязательном порядке было включено правило о том, что деятельность структуры будет прекращена по распоряжению уполномоченного лица «при обнаружении <...> чего-либо противного государственному порядку, общественной безопасности и нравственности»⁶⁶.

На первый взгляд, решения, находившиеся в ведении Правления и Общего собрания, были сугубо техническими. Сохранившиеся материалы похоро-

63 РГИА. Ф. 229. Оп. 6. Д. 700.

64 Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. 2-е изд., испр. и доп. М.: Common place, 2018. С. 210.

65 См., например: ГА РФ. Ф. Р6935. Оп. 8. Д. 35.

66 Устав 3-й Псковской похоронной кассы. С. 13; Устав похоронной кассы служащих Вятской Казенной Палаты и ея ведомства: Утв. 18 нояб. 1908 г. Вятка: Типо-литография М.М. Шкляевой, 1912. С. 17. Это правило распространялось на все «собрания разных частных обществ, клубов и артелей» (см., например: Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. Общее губернское учреждение. СПб.: Б. и., 1876. С. 102).

ронных касс демонстрируют, однако, что ситуация была существенно более сложной, поскольку ответ на вопрос, «кому причитаются средства», зачастую требовал особого обсуждения. Так, в 1907 году Правление похоронной кассы служащих Министерства торговли и промышленности было вынуждено рассмотреть вопрос о выплате пособия на погребение бухгалтера А. Бартолича. Причитавшиеся деньги стали предметом спора между вдовой покойного, с одной стороны, и его матерью и сестрой, с другой. Обе стороны представили Правлению свои аргументы. Вдова, признавая, что не участвовала в оплате погребения мужа, просила выдать ей средства, указывая на финансовую обеспеченность матери умершего, а также «долгую и тяжелую болезнь мужа»⁶⁷, которая совершенно расстроила ее здоровье. Сестра и мать А. Бартолича выбрали для достижения своей цели иную стратегию — убеждение и эмоциональное воздействие. Они апеллировали к чувствам членов кассы, утверждая, что вдова порочила имя покойного, обвиняя его в том, что он заразил ее венерической болезнью⁶⁸, и призывали членов Правления вспомнить товарища, «каким он был на слове и деле — честным, благородным, достойным»⁶⁹. К делу были также приложены документы и счета — материалы, подтверждающие участие матери и сестры в уходе за чиновником и понесенные ими расходы, а также свидетельства, согласно которым покойный не страдал «секретной болезнью».

Разбор семейной распри в похоронной кассе приобрел вид едва ли не судебного процесса, где состязавшиеся стороны ждали решения со стороны сознательных членов общества, от которых требовалось вникнуть в суть вопроса о социальных и гендерных ролях и стандартах поведения. Итогом разбирательства стало принятое большинством голосов решение выплатить пособие матери и сестре покойного. До нас дошел протокол голосования — каждый из членов Правления зафиксировал в документе свое мнение, при этом многие сочли необходимым ответить развернуто, мотивируя поддержку одной из сторон. Члены похоронной кассы, подобные в этом отношении присяжным в суде, реализовывали таким образом свое право на публичное высказывание.

* * *

После революции 1917 года, стремясь к преодолению прошлого, новая власть развернула целый ряд практик, направленных на перекодировку и апроприацию пространства империи, — здесь были и процессии-похороны революционеров и героев Гражданской войны, и создание многочисленных внекладбищенских захоронений на площадях и в знаковых местах городов. У некрополей возводили монументы и проводили разнообразные советские ритуалы солидарности новой идее (митинги, парады, клятвоприношения и пр.). О похоронах, надгробиях и мемориалах писали газеты и журналы, сообщали плакаты, повествовали школьные учебники. Похоронно-мемориальная публичность, назвать которую новой можно лишь условно (в ее основе лежал принцип интенсификации установок, характерных для поздней Российской империи), казалось, была везде. А представители противоположного политического лагеря,

67 РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 403. Л. 4.

68 Там же. Л. 7–7 об.

69 Там же. Л. 5.

которых смена власти и Гражданская война выдавили сначала из крупных городов, а затем и за пределы страны, описывали шокирующие своей простотой и неприязнительностью похороны людей одного с ними круга как знак распада социального единства и потери права на высказывание⁷⁰.

Библиография / References

- Атнашев Т., Велижев М., Вайзер Т.* Двести лет опыта: от буржуазной публичной сферы к российским режимам публичности // *Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России. Сборник статей / Сост. Т. Атнашев, Т. Вайзер, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 5–81.*
- (Atnashev T., Velizhev M., Weiser T.)* Dvesti let opyta: ot burzhuaaznoy publichnoy sfery k rossiyskim rezhimam publichnosti // *Nesovershenhnaya publichnaya sfera. Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii. Sbornik statey / Comp. by T. Atnashev, T. Weiser, M. Velizhev. Moscow, 2021. P. 5–81.*
- Аронова А.А.* Последнее торжество императрицы Елизаветы Петровны // *Искусствоведение. 2016. № 3. С. 98–135.*
- (Aronova A.A.)* Posledneye torzhestvo imperatritsy Yelizavety Petrovny // *Iskusstvoznaniye. 2016. № 3. P. 98–135.*
- Логунова М.* Печальные ритуалы императорской России. СПб.: Центрполиграф, 2011.
- (Logunova M.)* Pechal'nye ritually imperatorskoy Rossii. Moscow; Saint Petersburg, 2011.)
- Мохов С.* Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. 2-е изд., испр. и доп. М.: Common place, 2018.
- (Mokhov S.)* Rozhdeniye i smert' pokhoronnoy industrii: ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertiya. Moscow, 2018.)
- Никелл У.* Смерть Толстого и жанр публичных похорон в России // *Новое литературное обозрение. 2000. № 4. С. 43–61.*
- (Nickell W.)* Smert' Tolstogo i zhanr publichnykh pokhoron v Rossii // *Novoye literaturnoye obzreniye. 2000. №4. P. 43–61.*
- Панова Т.Д.* Некрополи Московского Кремля. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2003.
- (Panova T.D.)* Nekropoli Moskovskogo Kremlya. Moscow, 2003.)
- Перекатов А.В.* «Первый опыт гражданской панихиды»: траурное утро в МХТ 13 февраля 1910 г. // *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. Вып. 109. С. 89–112.*
- (Perekatov A.)* «The First Experience of a Civil Memorial Service»: The Mourning Morning at the Moscow Art Theatre 13 February 1910 // *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie. 2023. Vol. 109. P. 89–112.*
- Полищук Н.С.* Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // *Советская этнография. 1991. № 6. С. 25–39.*
- (Polishchuk N.S.)* Obryad kak sotsial'noye yavleniye (na primere «krasnykh pokhoron») // *Sovetskaya etnografiya. 1991. № 6. P. 25–39.*
- Соколова А.* Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- (Sokolova A.)* Novomu cheloveku — novaya smert'? Pokhoronnaya kul'tura rannego SSSR. Moscow, 2021.)
- Тени старинного кладбища — Всехсвятский некрополь в Туле / Под ред. М.В. Майорова. Тула: ООО «Борус-Принт», 2011.*
- (Teni starinnogo kladbishcha — Vsekhsvyatskiy nekropol' v Tule. Tula, 2011.)*
- Фуко М.* Другие пространства // *Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3 / Пер. с франц. Б.М. Скуратова; под ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. С. 191–204.*
- (Foucault M.)* Des espaces autres (Conférence au Cercle d'études architecturales, 14 mars 1967) // *Foucault M. Intellectually i vlast': Izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya*

70 См., например: *Киесинская М.* Воспоминания. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1992. С. 217.

- i interv'yu. Moscow, 2006. P. 191–204 — In Russ.)
- Шокарев С.Ю.* Источники по истории московского некрополя XII — начала XX в. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.
- (*Shokarev S.Yu.* Istochniki po istorii moskovskogo nekropolya XII — nachala XX v. Moscow; Saint-Petersburg, 2020.)
- Fraser N.* Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // *Social Text*. 1990. № 25/26. P. 56–80.
- Klopfenstein M.* The Death of the Seagull: Vera Kommissarzhevskaja and the Search for Transcendence in Late Imperial Russia // *The Russian Review*. 2021. Vol. 80. № 2. P. 270–293.
- Klopfenstein M.* The Operatics of Death: Gender, the Market, and the Reform-Era Public Sphere in the Death of Angiolina Bosio // *Вестник Пермского университета. История*. 2021. Т. 55. № 4. С. 13–24.
- Laqueur T.W.* The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton: Princeton University Press, 2015.
- Trice T.* Rites of Protest: Populist Funerals in Imperial St. Petersburg, 1876–1878 // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. № 1. P. 50–74.
- Tyrras N.* On Dostoevskij's Funeral // *The Slavic and East European Journal*. 1986. Vol. 30. № 2. P. 271–277.